

Марризм и советская фольклористика (по материалам архива М.К. Азадовского)*

© 2023, К.М. Азадовский

Германская Академия языка и литературы, Дармштадт, Германия;
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Лингвистическое учение академика Н.Я. Марра, захватившее в 1930-е гг. советскую гуманитарную науку, в том числе литературоведение и фольклористику, знает несколько периодов: от безудержной апологии, достигшей наивысшего подъема в конце 1940-х, до полного разгрома в 1950 г. (после выступления Сталина на страницах «Правды»). Споры вокруг «палеонтологического метода» возобновились в эпоху Перестройки, причем большинство ученых в настоящее время признает его несостоятельным. Ниже публикуется свидетельство М.К. Азадовского (1888–1954), возглавлявшего в 1930-е гг. фольклорные исследования в Ленинграде (в Академии наук и Университете), причастного к основным событиям фольклористической жизни того времени и хорошо знакомого с ее участниками. Его письмо к московской фольклористке В.Ю. Крупянской (1897–1985), написанное в мае 1952 г., представляет собой ретроспективную оценку марровского направления в фольклористике и содержит, кроме того, ответ на вопрос: кого из советских фольклористов можно причислить (и в какой степени) к школе Марра. Ошельмованный в 1949 г. и отовсюду уволенный, М.К. Азадовский не имел в ту пору возможности высказаться по этим вопросам публично. Тем не менее, ему удалось косвенным образом повлиять на содержание одной из «антимарровских» статей того времени («О порочных взглядах Н.Я. Марра и его последователей в области фольклористики»; автор — В.И. Чичеров). История этой статьи в журнале «Советская этнография» образует «интригу» со своими увлекательными подробностями.

Ключевые слова: Н.Я. Марр, марризм, яфетическая теория, фольклористика, Ю.М. Соколов, В.Ю. Крупянская, «Советская этнография», В.М. Жирмунский, В.И. Чичеров.

Информация об авторе: Константин Маркович Азадовский — кандидат филологических наук, действительный член Германской Академии языка и литературы, Alexandraweg 28, 64287 Дармштадт, Германия; г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: azadovski@mail.ru

* Выражаю благодарность Т.Г. Ивановой за ценные советы и замечания. — К.А.

Для цитирования: *Азадовский К.М.* Марризм и советская фольклористика (по материалам архива М.К. Азадовского) // Литературный факт. 2023. № 1 (27). С. 217–245. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-217-245>

Личность и деятельность академика Н.Я. Марра (1864–1934), споры вокруг его имени и созданного им «нового учения о языке», «яфетическая теория», «палеонтологический метод», а также ситуация в гуманитарных науках (прежде всего — языкознании) после бурной «лингвистической дискуссии» 1949–1950 гг. и выступления Сталина в «Правде» — этим и другим близким темам посвящено в настоящее время немало исследований. Восприятие Марра и его трудов за последнее столетие неоднократно менялось: культ ученого, сложившийся в 1930-е гг. и достигший апогея к концу 1940-х, сменился (благодаря вмешательству «сверху») развенчанием ученого и оголтелой антимарристской кампанией начала 1950-х гг. И лишь в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в России начинается период вдумчивого (в целом критического) отношения и к самому ученому, и к его научному наследию¹.

Оставляя в стороне ряд аспектов, связанных с историей и теорией марризма, мы публикуем ниже документальное свидетельство одного из участников и очевидцев научной жизни 1930–1940-х гг., посвященное исключительно фольклористике.

Автор публикуемого текста — Марк Константинович Азадовский (1888–1954), советский фольклорист, руководивший в 1930–1940-е гг. работой по собиранию и исследованию фольклора в ленинградских научно-исследовательских институтах и возглавивший в 1934 г. кафедру фольклора, созданную по его инициативе при Ленинградском университете. К сожалению, научная и общественная деятельность Азадовского была искусственно прервана весной 1949 г. — в результате сталинских идеологических кампаний той эпохи. Ученый был подвергнут публичному шельмованию, изгнан из Пушкинского Дома, где заведовал Сектором фольклора, и лишен университетской кафедры (вскоре закрытой)².

¹ См.: [6, с. 222–231, 278–279]. На с. 278–279 данного издания имеется русская и зарубежная библиография (вплоть до начала 2000-х гг.). 1-е изд. книги вышло в 1991 г. Дополнительно см.: [19, с. 48–82; 13]; рец. на книгу Илизарова [13] см.: [9, с. 340–348; 11, с. 349–357; 18, с. 330–339].

² См. об этом подробно: [10, т. 2].

В 1930–1934 гг. М.К. Азадовскому (далее сокращенно — М.К.) не раз приходилось встречаться с Марром. Они были лично знакомы; их сближало общее участие в научной жизни того времени³. Не удивительно: создатель и директор Института языка и мышления (ранее — Яфетический институт), получившего в 1934 г. его имя, Марр занимал тогда одно из ведущих мест в советском академическом мире, а «яфетическая теория» господствовала во многих научных областях (мифология, археология, этнография, кавказоведение, востоковедение и др.); ее влияние распространялось также на литературоведение и фольклористику.

Не будучи учеником или последователем Марра, М.К. внимательно изучал его труды; более того: высоко их ценил. Судя по его выступлениям 1930-х гг., он воспринимал Марра как выдающегося ученого и не ставил под сомнение научность его палеонтологических изысканий. При этом немаловажную роль играло, конечно, признание Марра со стороны С.Ф. Ольденбурга и Л.Я. Штернберга, учителей и наставников Марка Азадовского еще в 1910-е гг.

Что привлекало ученого-фольклориста в марризме? В первую очередь, его новизна, «революционность». «Гениальный ученый и революционер в науке», — напишет в одной из своих статей М.К. [1, с. 119]. Это суждение о Марре объясняется отчасти тем, что М.К. в 1930-е гг. выступал как реформатор собственной науки (разумеется, в русле советской идеологии). Переломная эпоха требовала новых подходов во всех областях знания, и фольклористика не была исключением. Изучение языковых явлений на основе «социологического метода» и постоянное обращение к понятию «классовой сущности» заметно сближало марризм с марксизмом. Пытаясь в 1930-е гг. утвердить «новую фольклористику», отличную как от русской дореволюционной науки, так и от западноевропейских школ, М.К. с интересом следил за работой своих коллег из окружения Марра. При этом ему явно импонировали определенные стороны марризма, прежде всего — историзм, толкование языка как социально-исторического процесса. «Основное значение работ Н.Я. Марра, — повторял М.К., — в их историзме, в глубоком понимании единства исторического развития...» [4, с. 41, 45].

Конечно, М.К. было чуждо понимание фольклора как «реликта», возникшего в доисторическую эпоху. Признавая его архаическую природу, он в то же время содействовал собиранию и пропаганде

³ Например, работа над подготовкой юбилейного сборника в честь С.Ф. Ольденбурга, изданного в начале 1934 г. и открывающегося статьей Марра (М.К. был инициатором и составителем этого тома).

современного фольклора (городского, Гражданской войны, партизанского, Отечественной войны и т. д.), а в 1930-е гг. пытался обосновать роль и значение «нового», «советского» фольклора. Этот взгляд М.К. на фольклор («живая старина!») не мешал ему проявлять интерес к таким сторонам Маррова учения, как новая концепция индоевропейского этногенеза или модная вплоть до конца 1940-х гг. «теория стадильности». Плодотворным казалось также сближение фольклористических изучений с лингвистическими. И, наконец, М.К. поддерживал, разумеется, тезис об единстве фольклора и литературы, утвердившийся в 1920–1930-е гг. и подхваченный школой Марра. В первой из своих обзорных статей, посвященных истории советской фольклористики, М.К. сочувственно цитировал слова Марра о том, что «фольклор это литература доклассового общества» [25, с. 58].

В том же свете выделялся Марр и другим современникам. Как союзника воспринимал его, например, Ю.М. Соколов, возглавлявший в 1930-е гг. московскую фольклористику. «...Я дважды по фольклорным делам беседовал с Н.Я. Марром, — писал Соколов Азадовскому 2 марта 1932 г., — и встретил с его стороны полное сочувствие фольклористике и резкое осуждение тенденций т. Мишулина, директора МОГАИМК⁴, к сужению задач, к сведению широких вопросов по происхождению культуры к узкому техницизму»⁵. И далее (в том же письме): «В Институте Народов Советского Востока⁶ взял тему: “Учения Бюхера⁷, Веселовского, Плеханова и Марра о происхождении поэзии и искусства”. Это сопоставление теорий и выяснение их взаимоотношений меня давно интересует»⁸.

В 1932 г. М.К. подготовил — по заданию Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) — обзорную статью «Фольклористика в СССР за 15 лет 1918–1933»⁹. Последний раздел

⁴ Александр Васильевич Мишулин (1901–1948) — историк-антиковед, профессор МГУ, представлял в середине 1930-х гг. Московское отделение Государственной академии истории материальной культуры, созданной в 1919 г. и впоследствии неоднократно менявшей свое название (ныне — Институт археологии РАН).

⁵ Отдел рукописных фондов Государственного музея истории русской литературы им. В.И. Даля (далее — ГЛИМ). Ф. 50. № 363. Л. 31.

⁶ Научно-исследовательский институт народов советского Востока при ЦИК СССР (1930–1932).

⁷ Карл Бюхер (1847–1930) — немецкий экономист, историк народного хозяйства и статистик.

⁸ ГЛИМ. Ф. 50. № 363. Л. 31. См. также примеч. 28.

⁹ Статья появилась в сборнике ВОКС’а «Этнография, фольклор и археология в СССР», изданного на трех языках: английском, немецком и французском. В настоящей статье приводится по французскому изданию: [25, с. 40–61].

этой статьи, посвященный в основном яфетической теории Марра, содержал несколько критических реплик в отношении известного марристского сборника «Тристан и Исольда»¹⁰ — одного из наиболее известных коллективных трудов ленинградских «марристов».

В октябре 1933 г. академическая общественность отмечала 45-летие научной деятельности Марра. В связи с этим в ленинградском Институте антропологии, археологии и этнографии¹¹ был подготовлен юбилейный сборник, в нем принял участие и Азадовский. Иначе и не могло быть — М.К. был сотрудником этого института, во главе которого стоял с 1934 г. И.И. Мещанинов, ученик и приверженец Марра (одно время его секретарь). Однако 20 декабря 1934 г. Марр умер, и сборник из юбилейного превратился в посмертный. М.К. поместил в нем небольшую статью [2, с. 583–591], которая подтверждала, казалось, один из тезисов Марра и его школы: тождество литературных сюжетов, имеющих различное происхождение.

Темой своей статьи (М.К. называл ее то «заметкой», то «этюдом») ученый взял концовку романа Оммулевского¹² «Шаг за шагом» (1870), сопоставив ее с финалом незаконченного романа Ипполита Тэна «Этьен Мэйран»¹³. Оба писателя изображают, независимо друг от друга, один и тот же сюжет — «смерть атеиста». Герой Оммулевского, как и герой Тэна, умирает, отказавшись принять святое причастие. Это «замечательное совпадение» двух разных произведений у совершенно непохожих авторов, русского и французского, М.К. пытается толковать как закономерность, обусловленную содержанием конкретной эпохи, в которой соединялись «религиозное вольнодумство французской буржуазии первой половины XIX в. и воинствующий материализм русского разночинства» [2, с. 588].

Является ли такое толкование «марристским»? Противник компаративизма¹⁴, Марр действительно предлагал анализировать сходные сюжеты «вне путей влияния и заимствования» [2, с. 591].

¹⁰ Тристан и Исольда. От героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Афревразии. Коллективный труд Сектора семантики мифа и фольклора / под ред. акад. Н.Я. Марра. Л.: Изд-во и тип. изд-ва АН СССР, 1932. 286, [2] с.

¹¹ Ныне Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера).

¹² Настоящие имя и фамилия: Иннокентий Васильевич Федоров (1836–1883) — поэт и прозаик; сибиряк.

¹³ В России отрывки из роман публиковались в журнале «Русская мысль» (1911. № 1. С. 103–128; № 2. С. 97–121; пер. Б. Рунт), а также в журнале «Вестник Европы» (1911. № 1. С. 158–219; пер. Ф.С.).

¹⁴ Имеется в виду сравнительный метод, сложившийся в западноевропейской науке XIX в. (труды Т. Бенфея, «финская школа» и др.); сводился, как правило, к сопоставлению «мигрирующих» сюжетов.

Именно это общее положение и побудило М.К. взяться за сюжет, по сути своей, вполне «компаративистский». Не говоря уже о том, что любой подход (и даже марристовский) не может исключить случайных совпадений тех или иных мотивов у писателей-современников, принадлежащих к разным культурам. Это, конечно, понимал и М.К. Думается, что свой историко-литературный этюд, предназначенный для юбилейного сборника, он вынужден был все же «подтягивать» к теории Марра.

Статья, датированная февралем 1934 г.¹⁵, была завершена осенью 1933 г. (дата сдачи тома в набор 19 сентября), и Марр, по утверждению автора, успел ее просмотреть (и, видимо, одобрил)¹⁶.

После смерти ученого М.К. посвятил его памяти очерк-некролог, представляющий собой, в частности, попытку ответить на вопросы: в какой степени марровский метод приложим к изучению фольклора? Можно ли говорить об яфетической фольклористике? Полагая, что труды Марра в целом это выход из «компаративистского тупика»¹⁷, М.К. подчеркивал значение яфетической теории, якобы подводящей «прочную базу под проблему странствования и заимствования сюжетов» [3, с. 13], и при этом акцентировал связь Марра с русской дореволюционной наукой, писал о влиянии на Марра «Исторической поэтики» А.Н. Веселовского и т. д.

Содержащая ряд весомых обобщений, статья «Памяти Марра» не свободна от официозной стилистики 1930-х гг. — разного рода «клише» и «штампов», без которых не могла обойтись в то время ни одна научная публикация. «...Марру, — читаем, например, в некрологе, написанном М.К., — удалось работать в великую эпоху создания новых идеалов и новых культурных ценностей. Реализовать свои великие возможности позволила Марру наша эпоха, вновь поставившая перед человечеством грандиозные задачи» и т. п. [3, с. 13].

¹⁵ См.: [2, с. 591].

¹⁶ Об этом упоминает М.К., отвечая этнографу Н.Н. Волкову, обвинившему его в 1936 г. в ненаучности доводов и пропаганде И. Тэна как одного из провозвестников современного фашизма и «злейшего реакционера». Николай Николаевич Волков (1904–1953), этнограф; учился в аспирантуре ЛГУ; в 1931–1935 гг. — сотрудник НКВД. В 1935–1941 гг. — научный сотрудник Института археологии и этнографии (Ленинград). В 1947 г. арестован и осужден, позднее реабилитирован. См.: [17, с. 153].

¹⁷ «Сходство каких-либо легенд или преданий или сказок никогда не заставляет Марра делать вывода о заимствовании одного сюжета тем или иным народом у другого, — подчеркивал М.К. <...> — Задача <исследователя> — вскрыть “древнюю подпочву” этих легенд, палеонтологическим анализом прошупать ее пути и таким образом определить ее начало в глубине яфетической стадии» [3, с. 13].

К вопросу о влиянии Марра на советскую фольклористику М.К. вернется в своей второй обзорной статье (1937), открывающейся со ссылки на одно из высказываний ученого; его роли в современной науке здесь также посвящен отдельный раздел. Констатируя воздействие марристских идей на работу советских фольклористов (правда, лишь «в некоторых участках» [4, с. 43]) и вспоминая о разработанном в трудах Марра «принципе стадияльных схем в развитии языка и мышления» [4, с. 46], М.К. делал вывод:

Эти воззрения Марра уже успели оказать глубочайшее влияние на фольклористику и литературоведение. Мы имеем уже ряд работ как теоретических, так и конкретных исследований, пытающихся применить эту точку зрения к анализу тех или иных фольклорных историко-литературных явлений. Таковы работы В. Петрова, новейшие работы В.М. Жирмунского и др. [4, с. 46]¹⁸.

Высоко оценивая научные заслуги Марра, Азадовской отводит ему в истории русской фольклористики почетное место: рядом с С.Ф. Ольденбургом и А.Н. Веселовским: «Я совершенно сознательно ставлю его <А.Н. Веселовского> имя вслед за именем Н.Я. Марра. Они тесно связаны между собою» [4, с. 47].

В обзорной статье 1937 г., как и в предыдущей, не затрагивался, однако, принципиально важный вопрос: отразилась ли (и в какой степени) «яфетическая теория» в трудах советских фольклористов? Этот вопрос поднимется со всей остротой спустя полтора десятилетия — в период развенчания Марра, и М.К. даст на него подробный ответ, изложив его в специальном приложении к письму, адресованному В.Ю. Крупянской¹⁹ (дата — 24 мая 1952 г.).

Этот не предназначенный для печати текст возник в связи с тем, что весной 1952 г., когда «антимарристская» кампания уже, казалось, утратила свою остроту — фольклорист В.И. Чичеров (1907–1957), заведующий Сектором славяно-русской этнографии и фольклора в Институте этнографии Академии наук СССР и член редколлегии журнала «Советская этнография», написал (видимо, заказную) статью о марризме в советской фольклористике. «Драматургия» сюжета заключалась в том, что в недавнем прошлом именно Чичеров принадлежал к тем советским фольклористам, которые пропагандирова-

¹⁸ О «марризме» В.П. Петрова и В.М. Жирмунского см. далее (примеч. 31 и 70–72).

¹⁹ Вера Юрьевна Крупянская (1897–1985) — фольклорист, этнограф; научный сотрудник Института этнографии РАН. Близкий друг М.К. и Л.В. Азадовских.

ли учение Марра, охотно ссылались на его труды и причисляли себя к его последователям. Теперь же — после низвержения Марра — ему, как и другим ученым, оказавшимся в аналогичном положении, пришлось принять участие в развенчании «лже-науки».

О том, что такая статья готовится, М.К. узнал еще в начале 1952 г. и ждал ее появления с некоторой тревогой, опасаясь, что Чичеров, воспользовавшись ситуацией, изобразит его адептом Марра в советской фольклористике:

Сам он <В.И. Чичеров> пишет, как я слышал от Левы²⁰, статью: «Марр и фольклористика» или что-то еще в этом роде. Неужели опять начнется с моей статьи, которая, к тому же, никогда не была марристской, а содержала только объективное изложение его учения и констатировала, что пока это учение ничего не дало науке о фольклоре, — хотя последней и нужно было бы опереться в некоторой части на него²¹. Но в этой же статье впервые была дана решительная критика марристского сборника «Тристан и Изольда»²².

Очевидно, что статья Чичерова, написанная весной 1952 г., содержала в первоначальной редакции хлесткие, даже оскорбительные выпады против крупных ученых (в частности, Азадовского) — настолько, что вызвала сомнения у дирекции Института этнографии. Отправленная в печать и уже набранная статья была остановлена и передана на отзыв В.Ю. Крупянской, научному сотруднику того же института.

Статья произвела на Крупянскую удручающее впечатление, и, готовясь написать отзыв, она обратилась к М.К. и просила помочь ей разобраться в вопросе о влиянии Марра на советскую фольклористику. «...Ничего более бесстыдного я давно не видела», — писала Вера Юрьевна 25 мая 1952 г., сообщая о порученной ей рецензии:

Есть вещи, которые нельзя спускать. Такое же впечатление эта статья произвела на Вирсаладзе²³, которая сегодня была у нас

²⁰ Имеется в виду историк и фольклорист Л.Н. Пушкарев (1918–2019), в то время — научный сотрудник Института истории АН СССР.

²¹ Вероятно, М.К. имеет в виду свою статью в сборнике ВОКСа (см. примеч. 9), в которой упоминалось о «поспешных и поверхностных обобщениях» в отдельных статьях сборника «Тристан и Изольда» [25, с. 59].

²² Письмо М.К. к В.Ю. Крупянской от 20 февраля 1952 г.

²³ Елена Багратовна Вирсаладзе (1911–1977) — грузинская фольклористка, аспирантка М.К. Азадовского в середине 1930-х гг., научный сотрудник Института грузинской литературы имени Руставели (с 1936 г.).

в Институте, и В<ладимир> И<ванович>²⁴ давал ей прочесть эту статью. <...> Силлогизм В<ладимира> И<вановича> таков. Марр испытал сильное влияние Веселовского, в своих основах по вопросам происхождения исходного источника творчества они сходятся. Непомерно раздутый авторитет Марра, его мнимый марксизм поддерживал учение Веселовского²⁵ и таких ученых, как Миллер, Аничков и др.<угие>, давая им <путевку в жизнь>. Таково косвенное воздействие Марра, опиравшегося на Веселовского, след<овательно> и Марра на советскую фольклористику. Апологеты Веселовского тем самым апологеты и Марра²⁶. А затем идет раскрытие самих взглядов Марра на фольклор как на реликт, ограничивающийся рамками доклассового общества разобщенность фольклорно-литературного процесса, положение о стадияльно-исторических сменах, взгляд на религиозный миф как на исток народно-поэтического творчества и т. д. Причем все это в намеках и передержках в отношении фольклористики и ее представителей. Получается впечатление, что в ней царило полное засилье Марра, но ведь на самом деле этого не было. Весь пафос советской фольклористики совсем в ином. Ужасно эта статья подло написана. Я жду Ваших соображений. Боюсь, что у меня не хватит эрудиции как следует обосновать свою позицию²⁷.

М.К. ответил обстоятельным письмом, щедро поделившись своими «соображениями». Полный текст письма (два экземпляра машинописи с авторской правкой) хранится в семейном архиве Азадовских (Санкт-Петербург); все материалы этого архива приводятся без отсылок.

Имена известных русских ученых-фольклористов (Н.П. Андреев, Е.В. Аничков, А.М. Астахова, Д.К. Зеленин, В.Ф. Миллер, В.Я. Пропп, Ю.М. Соколов) не комментируются.

²⁴ В.И. Чичеров.

²⁵ Марр действительно испытал в юности влияние трудов А.Н. Веселовского и позднее сам свидетельствовал об этом (см.: [24, с. 321–343]). Это подчеркивал и М.К. (см. выше).

²⁶ Тезис о близости к Веселовскому использовался в те годы как дополнительное доказательство научной несостоятельности Марра. Выдающийся филолог, академик и профессор Санкт-Петербургского университета, основоположник русской компаративистики, Веселовский был подвергнут в 1947 г. ожесточенной критике, а ученые, пропагандировавшие его наследие (среди них — профессора ЛГУ: М.К. Азадовский, М.П. Алексеев, В.М. Жирмунский и др.), заклеены как идейные и политические отщепенцы. См.: [5, с. 89–98; 10, т. 2, с. 345–364, (глава «Школа А.Н. Веселовского: формализм, компаративизм, космополитизм»)].

²⁷ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 542. Карт. 64. Ед. хр. 12. Л. 48.

Отвечаю на Ваши вопросы. Можно ли говорить о марристской фольклористике? Нужно различать две или даже три группы работ, статей и высказываний. С одной стороны, статьи по поводу теории Марра, об ее общем значении и возможности и необходимости учесть ее в работах по фольклору; вторая — статьи, пытающиеся обосновать теорию Марра на фольклорном материале; и третья — работы, освещающие отдельные вопросы фольклора с помощью марровской методологии. К первой группе относятся статьи Азадовского и Соколова²⁸); ранее их — Лозанова²⁹ (Советская этнография, 1932, № 2). Ей, в сущности, и принадлежит приоритет в этом вопросе³⁰. Ко второй — статьи Петрова³¹, к третьей, наиболее многочисленной, — книга Проппа³², сб<орник> «Язык и литература», т. VIII,

²⁸ См.: [20, с. 112–115]. На указанных страницах говорится о палеонтологическом методе Марра, «великого ученого», раскрывшего процесс образования мифов, о влиянии его идей на фольклорные изучения устной поэзии на «первоначальных стадиях» и т. д. «...Весь характер научно-творческой деятельности Н.Я. Марра, — подытоживал Ю.М. Соколов, — показывает, что перед советской фольклористикой раскрыты очень широкие горизонты при дальнейшем и углубленном освоении методологии Марра» [20, с. 114].

²⁹ Александра Николаевна Лозанова (1896–1968) — фольклорист, в 1934–1939 гг. — научный сотрудник Института антропологии и этнографии (см. примеч. 11), позднее — Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

³⁰ В этом номере «Советской этнографии» опубликована статья А.Н. Лозановой «К ближайшим задачам советской фольклористики» (с. 1–23), написанная с целью привлечь внимание к «яфетической теории»: «...Фольклористика должна поставить вопрос об использовании всего того, что дает яфетидология как в области материала, так и в области его обработки, в области нового, свежего, революционного подхода к нему» (с. 19) и т. п.

³¹ Виктор Платонович Петров (1894–1965) — украинский филолог и культуролог, фольклорист, писатель. Незадолго до войны занимал пост директора Института украинского фольклора (ныне — Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии имени М.Ф. Рильского). Согласно некоторым современным источникам, в 1930–1940-е гг. был агентом НКВД.

М.К. Азадовскому наверняка были известны следующие статьи Петрова: «К вопросу о генетическом изучении охотничьих игр» (Советская этнография. 1935. № 6. С. 140–177); «Буржуазная фольклористика и проблема стадильности» (Советский фольклор. 1936. № 2–3. С. 31–49); «Заговоры» (статья, написанная для несостоявшегося трехтомника «Русский фольклор»; впервые опубликована в 1981 г.), а также — статьи в журнале «Етнографічний вісник» (Петров редактировал это издание). Список научных работ В.П. Петрова см. в изд.: *Петров В.П.* Язык. Этнос. Фольклор: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1966. С. 54–60.

³² Современная исследовательница полагает, что стадильный подход к исследованию фольклора Пропп впервые применил в статье «К вопросу о происхождении волшебной сказки. Волшебное дерево на могиле» (Советская этнография. 1934. № 1–2. С. 125–151), а позднее — в книге «Исторические корни волшебной сказки» (Л.: Изд-во ЛГУ, 1946. 341 с.). См.: [22, с. 107–108] (раздел «Пропп и Марр»).

под ред.<акцией> Н.П. Андреева³³ (не все статьи в нем, а некоторые); работы О.М. Фрейденберг³⁴, И.Г. Франк-Каменецкого³⁵, особенно и главным образом, статьи Н.С. Державина³⁶; некоторые работы Д.К. Зеленина («О религиозно-магической функции сказок» и «О магической функции слов и словесных произведений»)³⁷ — впрочем, у Зеленина теория Марра использована чисто механически и даже, скорее, мимикрически; во все эти три раздела включается и имя... Чичерова.

Азадовский писал о Марре два раза. Как будто, более уже он нигде не говорил и не упоминал о Марре³⁸.

Второй раз — в статье «Советская фольклористика за 20 лет».

Но к каждому вопросу нужно подходить исторически. Языковая теория Марра не только не была разгромлена в то время, но даже и не критиковалась. На ней был ореол передовой теории — естественно, что фольклористика в лице ее ведущих работников должна была поставить вопрос о значении этой теории и в науке о фольклоре

³³ Язык и литература. Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1932. Т. VIII. 272 с. В сборнике статьи 13-ти авторов, среди них — М.К. Азадовский, В.М. Жирмунский, А.Н. Лозанова, С.Я. Лурье, И.И. Толстой, Иос. М. Троцкий (Тронский), И.Г. Франк-Каменецкий, О.М. Фрейденберг и др.

³⁴ Ольга Михайловна Фрейденберг (1890–1955) — филолог-классик, культуролог, мемуарист. Двоюродная сестра Бориса Пастернака. Последовательница Марра (в 1920–1930-е гг.), автор ярких и «личностных» воспоминаний о нем (см.: [23, с. 178–204]). М.К. был знаком и переписывался с О.М. Фрейденберг.

³⁵ Израиль Григорьевич Франк-Каменецкий (1880–1937) — филолог, египтолог и гебраист. Возглавлял Сектор семантики, мифа и фольклора в Институте языка и мышления. Погиб в дорожной катастрофе. В статье «Советская фольклористика за 20 лет» М.К. упоминает о нем как о «трагически погибшем талантливым ученом» [4, с. 43].

³⁶ Возглавлявший с 1925 г. кафедру славянской филологии в Ленинградском университете, Н.С. Державин был сторонником Марра и пользовался его поддержкой. При активном содействии Марра был избран в 1931 г. действительным членом Академии наук. См. составленные Марром «Записки об ученых трудах действительных членов АН СССР по Отделению общественных наук, избранных в 1931 и 1932 годах» (Л.: Изд-во АН СССР, 1932. 47 с.). В этой «Записке», сообщает биограф Державина, «особо отмечалось значение его работ по яфетидологии, по новому учению о языке» (*Берков П.Н.* Краткая характеристика научной, педагогической и общественной деятельности [Н.С. Державина] // Николай Севастьянович Державин / вступ. ст. П.Н. Беркова, сост. Н.М. Асафова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 14–15). См. также: [8, с. 76–82] и примеч. 58.

³⁷ Статья Д.К. Зеленина «Религиозно-магическая функция фольклорных сказок» опубликована в сб.: С.Ф. Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности (1882—1932). Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 215–240; статья «Магическая функция слов и словесных произведений» в кн.: Академику Н.Я. Марру. XLV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 507–516.

³⁸ В действительности, чаще, если учитывать обзорную статью «Советская фольклористика за пятнадцать лет» (см. примеч. 9) и статью «Об одном сюжетном совпадении» [2, 583–591], не говоря уже о многократных упоминаниях о Марре в лекциях и публичных выступлениях М.К.

и, во всяком случае, уяснить те возможности, какие она открывала (если открывала) для этой науки. Они не могли этого не сделать; не остановиться на проблемах, выдвинутых школой Марра, значило бы отгородиться от современного движения в науке. Подвергнуть же резкой критике и «разоблачить» эту теорию *своими силами* фольклористы, конечно, не смогли бы. Для этого нужно было предварительно раскрыть порочность лингвистической теории Марра. А это было сделано только в 1950 г.³⁹ Азадовский, Соколов, Андреев и другие, ставившие вопрос о теории Марра и пытавшиеся выяснить те возможности, какие она дает фольклористической науке, останавливались на следующих моментах: их привлекали те заявления, те задачи, какие формулировала школа Марра, вернее, сам Марр.

Азадовский указывал на стремление Марра к историчности, на его стремление мыслить процессы развития языка и литературы исключительно на основе марксистской теории, на объединение языковых и фольклорных изучений, наконец, на его решительную борьбу с компаративизмом. И ему, и Соколову, и Андрееву казалось, что Марру удастся реализовать на специфическом материале основной принцип марксистского понимания исторического процесса. На эту сторону обращал внимание и В.И. Чичеров (см.: Русск<ое> нар<одное> творч<ество>, 1949, стр. 9)⁴⁰.

Юрий Матвеевич⁴¹ также подчеркивал удар, нанесенный Марром индоевропейской компаративистике и, вообще, формалистическому компаративизму; наконец, Соколов подчеркивал значение семантического момента в языковых исследованиях⁴².

³⁹ Имеется в виду «порочность» с точки зрения Сталина, автора статьи «Относительно марксизма в языкознании» (Правда. 1950. № 171. 20 июня. С. 3–4). Издана (вместе с ответами Сталина на письма в «Правду») массовой брошюрой под названием «Марксизм и вопросы языкознания» (1950). Появление этой статьи М.К. воспринял в 1950 г. одобрительно, считая ее полезной и своевременной.

⁴⁰ У Чичерова сказано: «Многие произведения фольклора во всей их глубине можно понять, только сопоставив их с данными истории культуры и с фактами истории народа» (Чичеров В.И. Русское народное творчество (фольклор). Конспект курса для студентов-заочников педагогических институтов. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1949. С. 9). При этом Чичеров ссылается на известную работу Марра «Иштарь» (см.: Марр Н.Я. Иштарь (от богини матриархальной Афреварзии до героини любви феодальной Европы) // Яфетический сборник. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Т. 5. С. 109–178).

⁴¹ Ю.М. Соколов.

⁴² «Сосредоточивая свое главное внимание на семантической (смысловой) стороне слова, Н.Я. Марр прослеживал возникновение и развитие слов в теснейшей связи с возникновением понятий и представлений» [20, с. 113]. М.К., со своей стороны, называл «семантику» основным элементом марризма (наряду с «палеонтологией» и «стадиальностью») — тем «материалом», из которого строится марризм как теория [3, с. 13].

Т<аким> о<бразом>, эти фольклористы очень внимательно прислушивались к заявлениям Марра, т. е. к тем задачам, которые он ставил, но они же очень решительно *отвергли* практические опыты решения этих проблем. На практике оказалось, что марристы очень узко понимают проблему фольклора, что они сводят все «к реликтам», что они, наконец, абсолютно игнорируют общественное, социальное значение произведений народного творчества и совершенно игнорируют их художественную сторону. Палеонтологический же анализ оказался лишь реставрацией архаических методов старой фольклористики. На дискуссии, которая была организована в Ленинграде⁴³, ленинградские фольклористы (Азадовский, Андреев, Астахова, Никифоров⁴⁴ и нек<оторые> др<угие>) выступали с энергичным протестом против концепций марристов («Сов<етская> этнография», 1932, № 3)⁴⁵; об этом упоминает и Ю.М. Соколов в своем учебнике (стр. 115)⁴⁶.

⁴³ Имеется в виду дискуссия о сущности и задачах фольклора в ленинградском Институте речевой культуры 11 июня 1931 г. В основу заседания были положены два доклада: В.М. Жирмунского и О.М. Фрейденберг. В прениях участвовали М.К. Азадовский, Н.П. Андреев, В.А. Десницкий, С.Ф. Ольденбург, И.Г. Франк-Каменецкий. Жирмунский трактовал фольклор как совокупность реликтовых явлений, бытующих в отсталых группах населения; Фрейденберг же в своем «содокладе» трактовала фольклор как идеологический продукт бесклассового общества. Такая точка зрения была не приемлема для Азадовского, воспринимавшего фольклор как голос не только прошлого, но и настоящего. Его выступление, «затронув ряд существеннейших вопросов, явилось как бы третьим содокладом» (Астахова А.М. Дискуссия о сущности и задачах фольклора в Ленинградском Институте речевой культуры (ИРК) 11 июня 1931 г. // Советская этнография. 1931. № 3–4. С. 240). Подчеркнув, что доклад Жирмунского и «контр-доклад» Фрейденберг во многом сближаются, М.К. высказал сомнение в оправданности термина «реликт», который, на его взгляд, совершенно снимает проблему современного фольклора «в его социальной заостренности и глубокой связи со средой и текущим политическим днем» и не объясняет также происхождение фольклора (Там же. С. 241).

Этот острый фольклорный диспут в Институте речевой культуры (ИРКе) Т.Г. Иванова назвала «одним из последних проявлений свободы фольклористической мысли» [12, с. 518]. Идеологический диктат, сполна проявивший себя в последующие годы во всех областях гуманитарной науки, требовал единства по принципиальным вопросам, и подобное расхождение позиций (в публичной дискуссии) станет вскоре фактически невозможным.

⁴⁴ Александр Исаакович Никифоров (1893–1942) — фольклорист, этнограф. Профессор Ленинградского педагогического института.

⁴⁵ Видимо, ошибка М.К. Имеется в виду статья А.М. Астаховой в № 3–4 «Советской этнографии» за 1931 г., представляющая собой подробный отчет о дискуссии в ИРКе (см. примеч. 43). Другой отчет (на основании статьи Астаховой), подписанный П.Г. Богатыревым, появился на немецком языке (*P. <Bogatyrev>. Was ist Folklore? // Slavische Rundschau. 1933. Jg. V. Nr. 3. S. 183–186.*)

⁴⁶ «На дискуссии, организованной в Ленинграде в 1932 г., положения, защищаемые проф. И.Г. Франк-Каменецким, проф. О.М. Фрейденберг и частично проф. В.М. Жирмунским, встретили отпор со стороны проф. М.К. Азадовского, проф. Н.П. Андреева, А.М. Астаховой и др.» [20, с. 115].

Азадовский первый (и, кажется, единственный?) выступил печатно (в тех же статьях) против центрального сборника марристов «Тристан и Изольда»⁴⁷, а также — против других работ основных участников этого сборника (О.М. Фрейденберг, И.Г. Франк-Каменецкого). И Азадовский, и другие указывали (главным образом первый), что об «яфетической фольклористике» говорить еще преждевременно, что основные фольклорные работы, вышедшие из этой школы, имеют дискуссионный характер и порочны по своей сущности⁴⁸.

Но самое важное, что в конкретных исследованиях Ю.М. Соколова, Азадовского, Андреева ни в какой, хотя бы самой минимальной степени *не отразилось учение Марра*, — он нигде даже просто не упоминается и не цитируется.

Прямое влияние методологии Марра можно отметить лишь в работах Проппа, В.П. Петрова и Чичерова. Остальные, находившиеся под влиянием Марра фольклористы, в сущности, были «чужие» люди в фольклоре; к проблемам фольклора они подходили со стороны: это были античники — Лурье⁴⁹, Толстой⁵⁰, Фрейденберг, египтологи — Францев⁵¹, Лившиц⁵², И.Г. Франк-Каменецкий⁵³ и т. д. Под сильным влиянием Марра находились кавказоведы, но опять-таки, прямые ученики Азадовского и Соколова все оказались чуждыми этому влиянию, и из их рядов не вышло ни одной марристовской работы; даже кавказоведы, учившиеся у них, оказались не зараженными марризмом, как, напр<имер>, Е.Б. Вирсаладзе, значительно отличающиеся

⁴⁷ См. примеч. 10.

⁴⁸ Это утверждение М.К. требует уточнений. Действительно, в своих обзорных статьях, посвященных советской фольклористике (1933, 1939), он уделяет особое внимание сборнику «Тристан и Изольда», однако дает ему в целом высокую оценку.

⁴⁹ Соломон Яковлевич Лурье (1890–1964) — филолог-эллинист, историк античности. «Палеонтологическая» основа усматривается в его статье «Дом в лесу» (см.: Язык и литература. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. Т. 8. С. 159–194).

⁵⁰ Иван Иванович Толстой (1880–1954) — филолог-классик, профессор ЛГУ (1937–1954); академик (1946). См.: *Толстой И.И.* Статьи о фольклоре / вступ. ст. В.Я. Проппа. М.; Л.: Наука, 1966. 249 с.

⁵¹ Георгий (Юрий) Павлович Францев (Францов; 1903–1969) — египтолог, автор работ по истории религий.

⁵² Исаак Григорьевич Лившиц (1896–1970) — египтолог, историк, лингвист.

⁵³ Современная фольклористика вполне признает научное значение работ, созданных «чужими людьми». Приведем мнение одного из наиболее авторитетных ученых-фольклористов новейшего времени: «Некоторые весьма спорные, но богатые интересными мыслями опыты типологического изучения фольклора предпринимались и с позиций марризма (И.Г. Франк-Каменецкий, О.А. Фрейденберг). Методологическая ценность этих работ заключалась в стремлении включить в историческую типологию жанров и сюжетов (пусть преобразованную в довольно фантастическую марровскую “палеонтологию”) изучение мифологической семантики и понять в связи с этой семантикой метафорическую природу архаических фольклорных сюжетов...» [16, с. 386].

этим от остальных своих товарищей⁵⁴. Единственным исключением из этого ряда является В.И. Чичеров, *выступивший* в 193 (2<-м> или 3<-м>) году с докладом об отголосках мифа об Иштари в русском былевом эпосе. Этот доклад представлял собою развитие основных положений сборника «Тристан и Изольда»⁵⁵; при обсуждении этого доклада в Москве он подвергся резкой критике со стороны Ю.М. Соколова; доклад этот был позже передан в редакцию «Сов<етского> Фольклора» для печати, но последнею был отвергнут и возвращен автору (к сожалению, не напечатано!! и автор его спасен)⁵⁶, но факт остается фактом: о чтении этого доклада были заметки в печати, не помню точно, где именно. В конспективном изложении вошло в его «методичку» — см. далее⁵⁷.

Т<аким> о<бразом>, только разве Н.П. Андрееву можно поставить некоторый упрек по этой линии, ибо он явился редактором сборника «Язык и литература», кн<ига> VIII (1932), который был, действительно, наполовину пронизан и пропитан марризмом: статьи Фрейденберг, Каменецкого и др. — но сам Н.П. Андреев никаких статей в марристском духе не печатал.

⁵⁴ «Впрочем, не знаю: не был ли учеником Ю<рия> М<атвееви>ча *Талпа*, автор статьи “Марр и фольклор” в “Лит<ературно>м критике”. Талпа — составитель сборника “Кабардинский фольклор?”» (примеч. М.К. Азадовского).

Михаил Евгеньевич Талпа (1894–1937, расстрелян) — фольклорист, переводчик; собиратель и исследователь кабардинского фольклора. Упоминается его статья «Учение Н.Я. Марра и фольклористика» (Литературный критик. 1937. № 3. С. 130–160).

⁵⁵ См. примеч. 10.

⁵⁶ Для какого именно номера «Советского фольклора» предполагался доклад Чичерова, установить не удалось. (В 1934–1941 гг. вышло семь сборников; восьмой, уже подготовленный к печати, не состоялся. Ответственным редактором всех выпусков был М.К.) Данная работа В.И. Чичерова осталась, по всей видимости, неопубликованной.

«У меня хранится и по сей час, — писал М.К. 20 февраля 1952 г. В.Ю. Крупянской, сообщая об этой статье Чичерова, — папка с написанным его рукой заглавием статьи. Хранится где-то (надо поискать) и *конспект* этой статьи, к<ото>рый я составил, — кажется, для доклада дирекции о присланных статьях. Статью эту я вернул ему и посоветовал в письме оставить эту тематику. Вот о чем надо сейчас пожалеть. Помнит ли он об этой услуге моей, оказанной ему?! Можно сказать, услуге исторической!!»

⁵⁷ Имеется в виду составленное В.И. Чичеровым пособие «Программа и конспект курса с методическими указаниями для заочников педагогических институтов. Факультет литературы и языка. Фольклор» (М.: Наркомпрос РСФСР, 1940. 112 с.); о Марре и его работе «Иштар» — см. на с. 12, 24, 30–31, 41. Сохранился экземпляр «Программы...» с дарственной надписью: «Дорогому Марку Константиновичу — первый экземпляр — с любовью и уважением. В. Чичеров». Ниже — приписка (той же рукой): «Раздел “Триммы” был написан Юрием Матвеевичем». См. также примеч. 69.

Энергичным проводником идей марризма в фольклоре (вне основной группы марристов) был *Державин Н.С.* с циклом нелепых статей его о славянском фольклоре, Илье-Громовике и пр. и пр.⁵⁸. Эти статьи пропагандировались и в «Сов<етской> Этнографии» под ред<акцией> С.П. Толстова⁵⁹.

Работу Н. Марра «Иштарь» Чичеров включал в число основных теоретических работ, рекомендуя ее наравне с работами Лафарга, Горького и др. См.: Рус<ское> нар<одное> творчество: конспект курса для заочников 1939⁶⁰, стр. 9; см. также: *В. Чичеров*. Программа и конспект курса с методологическими указаниями для заочников университетов. Фольклор. Наркомпрос, 1943, стр. 12 (рекомендация в качестве пособия для вопросов о связи фольклора и истории статьи <в статье?> Марра «Иштарь»⁶¹). Анализ образов свадебной поэзии дается в этом пособии *исключительно* на основе работ Н.Я. Марра (там же, стр. 26). Как основоположные для фольклориста в данном случае упоминаются статьи: «Язык и мышление», «Средства передвижения...»⁶².

С позиций школы Марра объясняет Чичеров в данном пособии (для заочников!) и происхождение сказочных мотивов (наз<ванное> соч<инение>⁶³, стр. 35; опять та же пресловутая «Иштарь»). Эта же работа приводится как основная при анализе русских былин,

⁵⁸ Имеются в виду «марристские» работы Н.С. Державина на рубеже 1920–1930-х гг.: Яфетические переживания в протомеидской славянской традиции (Язык и литература. Л.: [Б. и.], 1929. Т. 3. С. 1–58); Яфетическая теория академика Н.Я. Марра (Научное слово. 1930. № 1. С. 3–39; № 2. С. 3–37); Перун в славянском фольклоре (доклад на Международном съезде славянских филологов в Праге в 1929 г., опубликованный в Сборнике трудов Съезда (Прага, 1929)). См. также: Кралевиц Марко и Илья Муромец. Палеонтологический очерк // Списание на Българската Академия на наукитъ и изкуствата. София, 1945. Кн. 70. Клон историко-филологичен. 33. С. 213–223; то же: Советская этнография. Сб. ст. М.; Л.: Наука, 1947. Вып. VI–VII. С. 106–116 (опираясь на метод Марра и применяя его к анализу былин, Державин пытался доказать в этой статье, что Илья Муромец был первоначально воплощением речного божества).

⁵⁹ Сергей Павлович Толстов (1907–1976) — этнограф, археолог; член-корреспондент Академии наук СССР (1953). Директор Института этнографии (1943–1965) и Института востоковедения (1950–1953). Главный редактор журнала «Советская этнография» (1946–1966).

⁶⁰ Ошибка М.К. (следует: 1949).

⁶¹ Имеется в виду: *Марр Н.Я.* Иштарь (от богини матриархальной Афреварзии до героини любви феодальной Европы) // Яфетический сборник. Л.: Изд-во АН СССР. 1927. Т. 5. С. 109–178.

⁶² Имеются в виду следующие работы Марра: Язык и мышление. М.; Л.: Огиз, 1931. 64 с.; Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории. (К увязке языковедения с историей материальной культуры). Л.: Гос. акад. тип., 1926. 48 с.

⁶³ Т. е. «Программа и конспект курса с методическими указаниями для заочников университетов и педагогических институтов...» (1943).

в частности, для объяснения мотивов былины о Добрыне и Змее (там же, стр. 45). Эта страница есть, в сущности, краткий конспект отвергнутой редакцией «Советского» Фольклора» статьи об «Иштарь в русском эпосе»⁶⁴. Особенно характерна в плане пропаганды марризма — стр. 23⁶⁵.

Таким образом, из учеников Соколова и Азадовского единственным настойчивым пропагандистом теории Марра был В.И. Чичеров; Фрейденберг, Франк-Каменецкий, Францов⁶⁶, Дрягин⁶⁷ и другие русским фольклором не занимались; внедрение же идей Марра в область анализа русского фольклора связано главным образом с именами Н.С. Державина и В.И. Чичерова (не упоминаю совсем уже нелепых слышанных мною докладов Турчанинова⁶⁸; кажется, они и не напечатаны).

Чичеров же пытался найти в русском эпосе пресловутый семантический пучок: рука — вода — змея — женщина (см. «Методички» 1940 и 1943 г.⁶⁹).

Итак, Азадовский и Соколов, относясь сочувственно к некоторым задачам, поставленным Марром, тем не менее неизменно вы-

⁶⁴ См. примеч. 56.

⁶⁵ Видимо, к этому месту относится подстрочное авторское примечание: «В издании 1940 г. (Программа и конспект курса с методическими указаниями) — стр. 12, 21, 24, 30, 41. Это вполне идентично изданию 1943 г. и свидетельствует только об устойчивости воззрений Чичерова. То же и в издании 1938 г.».

На стр. 23 «Программы...» 1943 г. сказано: «Советская фольклористика продолжает и детализирует работы Маркса и Энгельса в области фольклора. <...> Она использует новейшие работы крупных ученых (напр., выводы палеонтологического анализа языка и сюжета акад. Марра)...». То же — в «Программе...» 1940 г. на с. 21.

⁶⁶ Юрий (Георгий) Павлович Францов (Францев; 1903–1969) — философ, историк; общественный деятель. В 1920-е гг. работал в Научно-исследовательском институте сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при Ленинградском университете.

⁶⁷ Николай Михайлович Дрягин, аспирант Яфетического института в конце 1920-х гг.

⁶⁸ Георгий Федорович Турчанинов (1902–1989) — лингвист, ученик Н.Я. Марра.

⁶⁹ Здесь и далее имеются в виду «программы» по фольклору, составленные В.И. Чичеровым и напечатанные под грифом Управления высшей школы Народного комиссариата просвещения РСФСР: 1) Фольклор. Программа и методические указания для заочников. Для факультетов литературы и языка пединститутов. М.: Наркомпрос РСФСР, 1938. Вып. 66; 2) Программа и конспект курса с методическими указаниями для заочников педагогических институтов. Факультет литературы и языка. Фольклор. М.: Наркомпрос РСФСР, 1940; 3) Программа и конспект курса с методическими указаниями для заочников университетов и педагогических институтов. Факультет литературы и языка. Фольклор. М.: Наркомпрос РСФСР, 1943. Все издания сохранились в семейной библиотеке Азадовских. Дарственная надпись на первой «программе»: «Дорогому Марку Константиновичу "... суд был скорый и правый..." В. Чичеров. 15/XI–38»; на второй «программе»: «Дорогому Марку Константиновичу новое издание старой работы как отчет о робких попытках переосмыслить некоторые истины автор 19/XII–44. (день Николы — Марка)».

ступали с резкой критикой конкретных фольклористических работ этой школы, — Чичеров же упорно, настойчиво и длительно внедрял идеи марризма в практический анализ русского фольклора и рекомендовал для этой цели работы Марра студентам. Можно добавить, что эта сторона его «пособия» все время «совершенствовалась», так, например, в издании 1938 г. элементов марризма чуть-чуть поменьше (отсутствуют ссылки на Марра при анализе мотивов свадебной поэзии и сказок).

Другими словами, он единственный из всех фольклористов-руссистов упорно внедрял в течение десяти лет (а, может быть, и пятнадцати) в сознание молодежи идеи Марра, подходя к ним без всякой критики и апологетически рекомендуя его работы как авторитетное и бесспорное руководство. Об этом, конечно, знала и Астахова (не настолько же она невежественна в историографии: Чичеров посылал ей в дар свои методички, но она боится тронуть Чичерова, ибо он сейчас в силе).

Еще один вопрос: о Жирмунском. Не помню его специальных работ по фольклору, в которых отразились бы марровские идеи; но в статье «Сравнительное литературоведение и проблема литературных влияний» (Известия Отделения общественных наук, 1936, № 3)⁷⁰ он настаивал на необходимости применения марровской методологии к истории литературы; «в основу анализа должна быть положена мысль о единстве историко-литературного процесса»⁷¹. В этой же статье он принимал и пропагандировал метод стадийного анализа⁷².

Каков же итог? Конечно, М. Азадовский, Ю.М. Соколов, Н.П. Андреев совершили крупную историческую ошибку, включившись, хотя бы в незначительной степени, в число ученых, призывавших к изучению и усвоению теории Марра. Они, действительно, полагали, что сумеют найти в этом учении такие элементы, которые помогли бы дальнейшему развитию фольклористики.

Но вместе с тем, Азадовский и Соколов выступили печатно с критикой фольклористических работ, вышедших из школы Марра. Кроме того, отсутствие в их конкретных работах каких-нибудь

⁷⁰ См.: Жирмунский В. Сравнительное литературоведение и проблема литературных влияний // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1936. № 3. С. 383–403.

⁷¹ В статье Жирмунского действительно утверждается мысль об единстве историко-литературного процесса (с. 384, 403 и др.). Однако М.А. ставит в кавычки не текст Жирмунского, а свои собственные слова о его марризме (см.: [4, с. 46]).

⁷² Об отношении В.М. Жирмунского к марризму и эволюции его взглядов см.: [14, с. 679–692].

отзвуков (хотя бы в самой минимальной степени) влияния теории Марра сводило на-нет их выступления о необходимости для фольклористики обращаться к теории Марра.

Единственным ученым, кто пытался применить марровский анализ в свои конкретные исследования был *В.И. Чичеров*. Нельзя не обратить внимания и не подчеркнуть, что пропаганда статьи «Иштарь» (из которой исходили как из основоположной участники сборника «Тристан и Изольда») делалась им и тогда, когда этот сборник был уже подвергнут критике в статьях Азадовского и Соколова⁷³: см. «методички» 1940 и 1943 гг.⁷⁴ Более того, эти методички более широко обращаются к марровскому наследию, чем методички 1938 года. Изучение свадебной поэзии с помощью теории Марра ведется и в его курсе «Русское народное творчество» (Учпедгиз, 1949) — см. стр. 32; там же — о волшебных сказках (стр. 46). На Марра ссылается он в этой книге и для выяснения природы сущности <так! — *К.А.*> фольклора (стр. 9)⁷⁵.

Не сомневаюсь, что марризмом пропитана и его диссертация⁷⁶, — но об этом только могу догадываться.

Вот к каким выводам приводит внимательное изучение марризма в фольклористических трудах советских исследователей. Вот о чем должен говорить автор статьи о марризме в фольклористике, если

⁷³ В обзорной статье 1932 г. М.К. писал о сборнике «Тристан и Изольда», что «исследовательский метод и главные положения яфетической школы нашли здесь свое ясное и точное оформление», упомянув при этом, что научное значение статей, в нем помещенных, различно, а некоторые из них носят «весьма поспешный и поверхностный характер» [25, р. 59]. В 1937 г., касаясь того же сборника, ученый отметил, что у некоторых авторов встречаются тенденции к «упрощенному и вульгарному пониманию идей Н.Я. Марра» [4, с. 45]. О «крупных ошибках» сборника «Тристан и Изольда» М.А. высказался в обобщающей (несостоявшейся) работе по истории советской фольклористики. Одна из ошибок: «Снятие проблемы фольклорной специфики и полное элиминирование вопросов художественно-эстетического порядка, что особенно характерно для работ О.М. Фрейденберг и И.Г. Франк-Каменецкого» (ОР РГБ. Ф. 542. Карт. 17. Ед. хр. 1. Л. 77).

Ю.М. Соколов упоминает о сборнике «Тристан и Изольда» в кн. «Русский фольклор» [20, с. 114–115]; его отзыв трудно назвать «критическим»; он, скорее, информативен.

⁷⁴ В «методичке» 1940 г. Чичеров, упоминая о статье «Иштарь», обращает внимание на описанный Марром «семантический пучок: рука — вода — змея — женщина» (с. 41). А в «методичке» 1943 г., ссылаясь на ту же статью, пишет, что «чудесные или волшебные сказки по своим мотивам <...> восходят к творчеству доклассового общества (см. бой со змеем, опускание в преисподнюю-подземелье и т. д.)...» (с. 35).

⁷⁵ На указанных страницах, действительно, имеются ссылки на работы Марра.

⁷⁶ В.И. Чичеров защитил докторскую диссертацию «Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX вв.» в 1948 г. Работа опубликована в 1957 г. (М.: Изд-во АН СССР. 236 с.).

хочет быть добросовестным и честным и быть действительно полезным советскому исследователю и советской учащейся молодежи.

Отправляя этот текст В.Ю. Крупянской в Москву, М.К. сопроводил его следующей припиской:

...вот Вам довольно неожиданный результат Вашего вопроса. Что Вы из этого сделаете, не ведаю, — но делайте, что хотите.

Каков же «kurzer Sinn der langen Rede», т. е. краткий смысл длинного писания?

Во-первых, не следует делать из А<задовско>го центральную фигуру марровской фольклористики (как намекнула на это уже Астахова⁷⁷): его ответственность в полной мере разделяют другие ведущие и неведущие, вежественные и невежественные фольклористы: Соколов, Андреев, Лозанова, Чичеров.

Во-вторых, А<задовск>ий, Соколов, действительно, в попытках построения сов<етско>й ф<ольклористи>ки пытались найти в учении Марра опору для дальнейшего развития науки, — но быстро убедившись в невозможности этого, т. е. вследствие архаической сущности учения Марра, отошли от этих своих попыток и никогда нигде в своих работах после 1937 г. к ней не возвращались. Но и в то время они выступали с критикой отд<ельных> работ школы Марра⁷⁸. В их же конкретных исследованиях нет и следа марровской методологии.

3) Конкретно марровская методология сказалась в исследованиях *Державина*, *Протта* (не говоря о непосредственной школе Марра: Фрейденберг и пр.) и *Чичерова*.

4) Из фольклористов-русистов Чичеров наиболее упорно и последовательно пропагандировал теорию Марра, настаивая на необходимости для науки о нар<одно>м творчестве обращаться к ней и предлагая опыты ее практического применения. Именно он активно внедрял ее в преподавание.

5) Из этого вытекает необходимость критической статьи о роли марровской теории в сов<етско>й фольклористике.

Все: больше ничего не знаю.

⁷⁷ Какой конкретно (устный или печатный) «намеки» Астаховой имеется здесь в виду, неясно.

⁷⁸ Далее зачеркнуто: «Выступать с критикой Марра в целом они бы не могли уже и потому».

На основании этого текста Крупянская начала готовить рецензию на статью В.И. Чичерова в «Советской этнографии». М.К. с любопытством ждал результата. «Очень интересует меня Ваша рецензия», — пишет он Крупянской 10 июня 1952 г. И добавляет далее:

Мы беседовали на эти темы с Виктором Максимовичем⁷⁹, — и очень жаль, что это было тогда, когда я уже отправил Вам письмо. Он правильно говорит, что влияние Марра на фольклористику было и очень большое, но только не там, где его ищет Чичеров, или, вернее, куда он хочет это влияние влить. Простите за плохой каламбур. В «русской фольклористике», вернее, в русистской, то есть в науке о русском фольклоре оно почти целиком отсутствует, кроме тех фактов, к<отор>ые мы с Вами установили, — но в фольклористике общесоветской, «национальной», в трудах по изучению фольклора народов Союза оно очень велико. Марризм насаждался в каждой республике. И главный насадитель и пропагандист... С.П. Толстов. Между прочим, о роли Толстова в этом плане Жирмунский говорил и на одной из сессий, посвященных вопросам языка⁸⁰.

Действительно, посмотрите его «Хорезм»⁸¹ — это сплошной марризм плюс скрытый компаративизм. И, конечно, это нужно было бы в рецензии отметить. Но теперь уже поздно.

Это наиболее полное (и, в сущности, единственное) ретроспективное высказывание М.К. относительно места и роли Марра в советской фольклористике. И одновременно — красноречивое подтверждение тому, что он сам, хотя и работал в период почти безраздельного господства Марра в советской гуманитарной науке, никоим образом не принадлежал к его приверженцам. Впрочем, этот факт не требует дополнительных доказательств. Понимание Азадовским фольклора, как уже говорилось, было, по сути своей, антимарристским.

Можно, конечно, заподозрить М.К., отстраненного тогда от занятий фольклором, в желании отмежеваться от развенчанного академика. Но стал бы он это делать в частном письме, воссоздавая целый раздел советской фольклористики! Тем более в середине

⁷⁹ В.М. Жирмунский.

⁸⁰ Какое именно выступление В.М. Жирмунского имеется в виду, неясно.

⁸¹ Имеется в виду: *Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования*. М.: Полиграфкнига, 1948. 352 с. Книга была удостоена Сталинской премии (1949). О С.П. Толстове см.: [7, с. 7–36].

1952 г., когда полоса обличений Марра была уже в основном позади. Да и сам М.К. к тому времени частично оправился от удара, нанесенного ему в 1949 г.: публиковался в советской печати, активно сотрудничал в «Литературном наследстве», выпустил «Воспоминания Бестужевых» в академической серии «Литературные памятники» и т. д. К оценке Марра и своей причастности к марризму он подошел, как нам представляется, вполне объективно.

Можно ли, с другой стороны, признать достоверной характеристику В.И. Чичерова, предстающего в изображении М.К. главным «марристом» среди советских фольклористов? Не объясняется ли эта позиция крайним раздражением, которое в те годы ученый испытывал по отношению к младшему коллеге, писавшему ему некогда почтительные и даже лестные письма, но быстро отдалившемуся от «главы советских фольклористов» в период погромной кампании 1949 г.⁸² Научная и общественная карьера Чичерова, весьма преуспевавшего в эпоху «позднего сталинизма», допускает такое предположение. Тем не менее, читая и перечитывая «методички» Чичерова 1930–1940-х гг., на которые ссылается Азадовский, нельзя не видеть, что имя Марра упоминается в них, скорее, «попутно», в библиографических указаниях; в плане методологическом оно не акцентируется. Более того: в «программе» 1938 г., говоря о «школе Марра», Чичеров упоминает и об отрицательных ее сторонах. К последним он относит «ошибочное сведение фольклора к реликтам, схематизм и натянутость палеонтологического анализа поэзии в работах учеников Марра — сборник “Тристан и Исольда”»⁸³ — М.К. охотно подписался бы под этими словами.

Внимательно ознакомившись с посланием М.К., В.Ю. Крупянская доработала свой внутренний отзыв и передала его в редакцию «Советской этнографии». «Не знаю, что-то Вы скажете? — писала она Азадовскому 6 июня 1952 г. — Можно было написать еще резче и убийственнее для Вл<адимира> Ив<ановича>. Я написала очень решительно, очень определенно, не раскрыв до конца всей его подлости; все же гнусность его статьи становится, как мне кажется, абсолютно очевидной»⁸⁴.

⁸² В письмах и личных беседах начала 1950-х гг. М.К. нередко именовал Чичерова «Иудушкой» (см., например, его письмо к Н.К. Гудзию от 26 октября 1949 г.: [21, с. 76] или письмо к Ю.Г. Оксману от 17 апреля 1953 г.: [15, с. 318]).

⁸³ Фольклор. Программа и методические указания для заочников. Для факультетов литературы и языка пединститутов. М.: Наркомпрос РСФСР, 1938. Вып. 66. С. 4.

⁸⁴ ОР РГБ. Ф. 542. Карт.64. Ед. хр. 13. Л. 1–1 об.

После этого Чичеров — следует отдать ему должное! — перерабатывает свою статью, устраняя в ней, насколько можно судить, наиболее резкие оценки. Номер журнала с его статьей вышел в начале октября⁸⁵. «Мне там посвящено всего несколько строк, — сообщает М.К. жене (из подмосковного писательского санатория, где он отдыхал осенью 1952 г.) — и, в сущности, в довольно приемлемой форме. Видимо, рецензия В<еры> Ю<рьев>ны подействовала, и он смягчил первоначальную формулировку. Впрочем, сам я еще не читал»⁸⁶.

Действительно, говоря о последователях Марра, Чичеров упоминает в первую очередь В.М. Жирмунского и И.И. Мещанинова. Об Азадовском же сказано, что в его статье 1934 г. отразились «характерные для исследований 30–40-х годов возвеличивание А.Н. Веселовского и Н.Я. Марра, превознесение их мнимых заслуг»⁸⁷.

С рецензией В.Ю. Крупянской М.К. ознакомился в ноябре 1952 г., вернувшись в Ленинград. «Может быть, если б я читал ее месяца три–четыре тому назад, я остался бы ею недоволен и был бы неправ», — писал он Крупянской 5 ноября. И далее:

А теперь я должен Вас похвалить за такт, с к<ото>рым Вы выполнили поручение. И, конечно, меня Вы спасли от дополнительного заушательства, за что низко кланяюсь и целую ручки. Правда, родная! Очень хорошо, что именно *так* написали. Вы не раскрыли всех своих карт, не назвали всех источников, и бедный Володинька (которого я по-христиански очень жалею) не почувствовал, *что* таится за скромным и на вид неброским упоминанием о его печатных работах. Он, очевидно, думал, что Вы имеете в виду лишь издание 1949 г., почему — к великому удовольствию его друзей — и не сделал из этого соответственных выводов.

Очень хорошо и умно, что Вы указали на необходимость написать данную статью *более самокритично*. Если вдруг поднимется шум вокруг сей статьи, редакция будет, конечно, искать виновных; может, обрушиться и на Вас: мол, своевременно не предупредили. А Вы им вежливоенько и легóнько предъявите написанные Вами строки. В рецензии имеются два предупреждения, сделаны два указания, а ежели редакция не обратила внимания на них, — это уже дело ее совести.

⁸⁵ Чичеров В.И. О порочных взглядах Н.Я. Марра и его последователей в области фольклористики // Советская этнография. 1952. № 3. С. 3–15.

⁸⁶ Письмо от 9 октября 1952 г.

⁸⁷ Чичеров В.И. О порочных взглядах Н.Я. Марра и его последователей в области фольклористики. С. 9.

«Шум» вокруг статьи Чичерова все же поднялся — видимо, на волне злободневных в то время требований о необходимости «критики» и «самокритики», прозвучавших на прошедшем в октябре 1952 г. XIX Съезде ВКП (б). В конце 1952 г., отвечая на просьбу Л.П. Потапова (в то время — зам. директора Института этнографии и члена редколлегии журнала «Советская этнография») поделиться впечатлениями относительно работы фольклорного отдела журнала, М.К., в частности, писал:

Большое возмущение и негодование вызвала в фольклористических кругах статья зав. Отделом фольклора в журнале В.И. Чичерова «О порочных взглядах Н.Я. Марра и его последователей в области фольклористики». Статья эта поразила всех абсолютным отсутствием честной самокритики. Отмечая ошибки отдельных исследователей, В.И. Чичеров ни одним словом, никаким хотя бы беглым упоминанием не касается своих работ и ошибок. Между тем, каждому известно, что в среде фольклористов-русистов Чичеров был чуть ли не единственным, кто настойчиво и упорно внедрял учение Марра в преподавание фольклора. Об этом красноречиво свидетельствуют его методические пособия, изданные Наркомпросом и неоднократно переиздававшиеся: последнее было в 1949 году. В данном случае приходится говорить не только о личных свойствах автора, но и о позиции всей редакции журнала <...>.

Вопрос о Чичерове уже стал предметом обсуждения научной общественности, напр<имер>, в заседаниях Ученого совета Института литературы, посвященного обсуждению итогов 19-го Партийного Съезда, данная статья приводилась как пример вопиющего нарушения требований, которые предъявляет Партия в вопросах научной самокритики⁸⁸.

«Статья Владимира Ивановича производит шум, — сообщал М.К. в письме к В.Ю. Крупянской от 30 октября – 2 ноября 1952 г. — Питаю робкие надежды, что ему придется пожалеть, что он не прислушался к Вашей рецензии»⁸⁹. Далее М.К. упоминает о готовящейся в Ленинграде «конференции», на которой предполагается выступление В.М. Жирмунского с «подробной критикой» статьи

⁸⁸ ОР РГБ. Ф. 542. Карт. 6. Ед. хр. 6. Л. 3–4. Документ не датирован.

⁸⁹ Т. е. не признался публично в «марризме».

Чичерова («устное выступление, конечно, не то, что письменное, но все же...»).

О чем идет речь, неясно: М.К. мог в то время питаться недостоверными сведениями, непроверенными слухами и т. д.

Справедливости ради следует отметить, что В.И. Чичеров, при всей своей незавидной позиции в начале 1950-х гг. (маррист, скрывающий свою принадлежность к марризму и при этом обличающий других коллег-фольклористов), не принадлежал к числу невежественных чиновников от науки. Озабоченный своим общественным положением и карьерным ростом, он, тем не менее, хорошо понимал значение и место Азадовского в современной фольклористике. После 1949 г. он старался сохранить связи с М.К.: передавал ему «поклон», посылал свои последние труды с надписью «Многоуважаемому...» и, главное, не препятствовал появлению его работ (рецензий) в «Советской этнографии»⁹⁰. М.К., со своей стороны, воспринимал эти «знаки внимания» с иронической усмешкой.

После смерти М.К. — в эпоху постепенного «потепления» — Чичеров еще более изменился: пытался содействовать усилиям Л.В. Азадовской и других фольклористов, направленным на восстановление научного имени М.К. и способствовал публикации его главного труда «История русской фольклористики» (первый том вышел в 1958 г., второй — в 1963-м)⁹¹. Видимо, Владимир Иванович все же заботился о своей репутации...

Литература

⁹⁰ Первая из таких рецензий появилась в № 3 за 1951 г. (на книгу: *Китайник М.* Библиография уральского фольклора. Свердловск: Свердловгиз, 1949. 48 с.); вторая — в № 2 за 1953 г. (на книгу: *Славянский фольклор: материалы и исследования по истории народной поэзии славян* / ред. В.И. Чичеров и В.К. Соколова. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 363 с.).

⁹¹ Весной 1955 г. В.И. Чичеров написал (для Бюро Отделения литературы и языка) отзыв на рукопись «Истории русской фольклористики», в котором высоко — хотя и не безоговорочно — оценил работу М.К. «Этот труд многих лет покойного ученого, — говорилось в отзыве, — восстанавливает историю науки на основании огромного, заново пересмотренного материала» (ОР РГБ. Ф. 542. Карт. 97. Ед. хр. 27. Л. 3). Отправляя свой отзыв вдове ученого, Чичеров сопроводил его следующими словами в письме от 10 апреля 1955 г.: «Не поймите мои критические замечания как неуважение к Марку Константиновичу, Они продиктованы стремлением утвердить память о Марке Константиновиче, какой она должна быть, — памятью о талантливом советском ученом <...> Талантливость М.К. Азадовского сказалась в разработке многих вопросов; она очевидна и тогда, когда выдвигаемые положения вызывают сомнение или даже прямое возражение» (Там же. Л. 1).

1. *Азадовский М.К.* А.Н. Веселовский как исследователь фольклора // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. 1938. № 4. С. 85–119.
2. *Азадовский М.К.* Об одном сюжетном совпадении («Смерть атеиста» в романе Оммулевского и у Ипполита Тэна) // Академику Н.Я. Марру. XLV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 583–591.
3. *Азадовский М.К.* Памяти Н.Я. Марра (1864–1934) // Советский фольклор. Сб. ст. и материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. № 2–3. С. 5–20.
4. *Азадовский М.* Советская фольклористика за 20 лет // Советский фольклор. Сб. ст. и материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. № 6. С. 3–53.
5. *Азадовский К.М., Егоров Б.Ф.* «Космополиты» // Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 89–98.
6. *Алпатов М.В.* История одного мифа: Марр и марризм. М.: Едиториал УРСС, 2018. 284 с.
7. *Альмов С.* Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 97. С. 7–36.
8. *Гусев Н.С.* Н.С. Державин — болгарист, добившийся успеха в большевистской и советской науке // Материалы для виртуального Музея славянских Культур. 2020. Вып. 1. С. 76–82.
9. *Добренко Е.* Споря о Марре // Новое литературное обозрение. 2013. № 119. С. 340–348.
10. *Дружинин П.А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. Документальное исследование: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
11. *Дружинин П.А.* Яфетические зори в Российской академии наук // Новое литературное обозрение. 2013. № 119. С. 349–357.
12. *Иванова Т.Г.* История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 800 с.
13. *Илизаров Б.С.* Почетный академик Сталин и академик Марр. М.: Вече, 2012. 432 с.
14. *Каганович Б.С.* В.М. Жирмунский о «марризме» и борьбе с ним // Труды института лингвистических исследований: Acta linguistica petropolitana. СПб.: Наука, 2011. Т. 7, Ч. 1: Colloquia classica et indogermanica-V: Классическая филология и индоевропейское языкознание. С. 679–692.
15. Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка 1944–1954 / изд. подгот. К. Азадовский. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 410 с.
16. *Мелетинский Е.М.* Сравнительная типология фольклора (историческая и структурная) // Philologica. Исследования по языку и литературе. Памяти академика Виктора Максимовича Жирмунского. Л.: Наука, 1973. С. 385–393.
17. *Решетов А.М.* Материалы к биобиблиографическому словарю российских этнографов и антропологов. XX век. СПб.: Наука, 2012. 583 с.
18. *Сидорчук И.В.* Н.Я. Марр и марризм в западной историографии // Диалог со временем. 2017. Вып. 58. С. 330–339.
19. *Слезкин Ю.* Н.Я. Марр и национальные корни советской этногенетики // Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 48–82.
20. *Соколов Ю.М.* Русский фольклор. Учебник для высших учебных заведений. М.: Учпедгиз, 1938. 559 с.

21. «Удастся ли прорубить эту стену...» (Из писем М.К. Азадовского к Н.К. Гудзию 1949–1950 годов) / публ. К.М. Азадовского // Русская литература. 2006. № 2. С. 66–86.

22. Уорнер Э.Э. Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 144 с.

23. Фрейденберг О.М. Воспоминания о Н.Я. Марре // Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1988. С. 178–204.

24. Шимарев В.Ф. Н.Я. Марр и А.Н. Веселовский // Язык и мышление. Le langage et la mentalité. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. VIII: Языки Евразии в работах Н.Я. Марра. С. 321–343.

25. Azadovsky M. Études de folklore en U.R.S.S. 1918 à 1932 // VOKS. Ethographie, folklore et archéologie en U.R.S.S. 1933. Vol. 4. P. 40–61.

Research Article and Publication of Archival Documents

Marrism and Soviet Folklore Studies: From the Archives of Mark Azadovsky

© 2023. Konstantin M. Azadovsky

German Academy of Language and Literature, Darmstadt, Germany;
St. Petersburg, Russia

Abstract: The linguistic theory of the Soviet academician Nikolai Marr which in the 1930s captured Soviet humanities, including literary and folklore studies, had several stages: from an unrestrained glorification up to its complete defamation in 1950 (after Stalin’s article in “Pravda”). Heated discussions around the “paleontological method” resumed in Russia during the Perestroika and later, when most experts consider it as unfounded. The present publication is focused on the remembered evidence of Mark Azadovsky (1888–1954) who in the 1930s headed all folklore studies in Leningrad (in the Academy of Sciences as well as at the University) and who was at that time deeply involved in the principal events of folkloristic life and was well acquainted with its participants. His letter to the Moscow folklore scholar Vera Krupyanskaya (1897–1985), written in May 1952, represents a retrospective evaluation of Marr’s direction in Soviet folklore studies and gives, moreover, an answer to the question: who among the Soviet specialists in folklore could be regarded (and to what degree) as a real adherent of Marr’s school? After 1949, when Mark Azadovsky was subjected to public dishonor and dismissed from all of his academic positions, he had no possibility to express his views in public. However, he managed to indirectly influence the contents of one of the “anti-Marrist” articles typical of that time (“About the fallacious views of N.Ya. Marr and his followers in the field of the folklore studies” by Vladimir Chicherov). The story of this article, published in the magazine “Soviet Ethnography” (1952) presents an “intrigue” with some fascinating details.

Keywords: N. Ya. Marr, marrism, japhetic theory, folklore studies, Yu.M. Sokolov, V.Yu. Krupyanskaya, “Soviet Ethnography,” V.M. Zhirmunsky, V.I. Chicherov.

Information about the author: Konstantin M. Azadovsky — PhD in Philology, German Academy of Language and Literature, Alexandraweg 28, 64287 Darmstadt, Germany; St. Petersburg, Russia.

E-mail: azadovski@mail.ru

For citation: Azadovsky, K.M. “Marrism and Soviet Folklore Studies: From the Archives of Mark Azadovsky.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (27), 2023, pp. 217–245. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-217-245>

References

1. Azadovskii, M.K. “A.N. Veselovskii kak issledovatel’ fol’klora” [“A.N. Veselovsky as a Researcher of Folklore”]. *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk*, no. 4, 1938, pp. 85–119. (In Russ.)
2. Azadovskii, M.K. “Ob odnom suizhetnom sovpadenii (‘Smert’ ateista’ v romane Omulevskogo i u Ippolita Tena)” [“On One Plot Coincidence (‘Death of an Atheist’ in Omulevski’s Novel and in Hippolyte Taine’s Unfinished Work)”]. *Akademiku N.Ia. Marru. XLV [To Academician N.Ya. Marr. XLV]*. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1935, pp. 583–591. (In Russ.)
3. Azadovskii, M.K. “Pamiatii N.Ia. Marra (1864–1934)” [“In Memory of N.Ya. Marr (1864–1934)”]. *Sovetskii fol’klor. Sbornik statei i materialov [Soviet Folklore. Collection of Articles and Materials]*, no. 2–3. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1935, pp. 5–20. (In Russ.)
4. Azadovskii, M. “Sovetskaia fol’kloristika za 20 let” [“Soviet Folklore Studies for 20 Years”]. *Sovetskii fol’klor. Sbornik statei i materialov [Soviet Folklore. Collection of Articles and Materials]*, no. 6. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1939, pp. 3–53. (In Russ.)
5. Azadovskii, K.M. and Egorov, B.F. “Kosmopolitizm” [“Cosmopolitism”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 36, 1999, pp. 89–98. (In Russ.)
6. Alpatov, M.V. *Istoriia odnogo mifa: Marr i marrizm [The Story of a Myth: Marr and Marrism]*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2018. 284 p. (In Russ.)
7. Alymov, S. “Kosmopolitizm, marrizm i prochie ‘grekhi’: otechestvennye etnografy i arkheologi na rubezhe 1940–1950-kh godov” [“Cosmopolitanism, Marrism and Other ‘Sins’: Domestic Ethnographers and Archaeologists at the Turn of the 1940s and 1950s”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 97, 2009, pp. 7–36. (In Russ.)
8. Gusev, N.S. “N.S. Derzhavin — bolgarist, dobivshiisia uspekha v bol’shevistskoi i sovetkskoi nauke” [“N.S. Derzhavin — a Bulgarianist who Succeeded in Bolshevik and Soviet Science”]. *Materialy dlia virtual’nogo Muzeia slavianskikh Kul’tur*, issue 1, 2020, pp. 76–82. (In Russ.)
9. Dobrenko, E. “Sporia o Marre” [“Arguing about Marr”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 119, 2013, pp. 340–348. (In Russ.)
10. Druzhinin, P.A. *Ideologiia i filologiia. Leningrad, 1940-e gody. Dokumental’noe issledovanie: v 2 t. [Ideology and Philology. Leningrad, 1940s. Documentary Study: in 2 vols.]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. (In Russ.)
11. Druzhinin, P.A. “Iafeticheskie zori v Rossiiskoi akademii nauk” [“Japhetic Stars at the Russian Academy of Sciences”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 119, 2013, pp. 349–357. (In Russ.)
12. Ivanova, T.G. *Istoriia russkoi fol’kloristiki XX veka: 1900 – pervaiia polovina 1941 g. [History of Russian Folkloristics in the 20th Century: 1900 – First Half of 1941]*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2009. 800 p. (In Russ.)

13. Ilizarov, B.S. *Pochetynyi akademik Stalin i akademik Marr [Honorary Academician Stalin and Academician Marr]*. Moscow, Veche Publ., 2012. 432 p. (In Russ.)
14. Kaganovich, B.S. “V.M. Zhirmunskii o ‘marrizme’ i bor’be s nim” [“Victor M. Zhirmunsky on ‘Marrism’ and on the ‘Struggle against Marrism’.”]. *Trudy instituta lingvističeskikh issledovanii: Acta linguistica petropolitana [Transactions of the Institute for Linguistic Studies: Acta Linguistica Petropolitana]*, vol. 7, part 1: Colloquia classica et indogermanica-V: Klassičeskaia filologija i indoevropskoe jazykoznanie [Colloquia Classica et Indogermanica-V: Studies in Classical Philology and Indo-European Languages]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 679–692. (In Russ.)
15. Azadovskii, K., editor. *Mark Azadovskii, Iulian Oksman. Perepiska 1944–1954 [Mark Azadovsky, Julian Oksman. Correspondence. 1944–1954]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 410 p. (In Russ.)
16. Meletinskii, E.M. “Srvnitel’naia tipologija fol’klora (istoričeskaia i strukturnaia)” [“Comparative Typology (Historical and Structural) of Folklore”]. *Philologica. Issledovaniia po jazyku i literature. Pamiati akademika Viktora Maksimoviča Zhirmunskogo [Philologica. Studies in Language and Literature. In Memory of Academician Victor Maksimovich Zhirmunsky]*. Leningrad, Nauka Publ., 1973, pp. 385–393. (In Russ.)
17. Reshetov, A.M. *Materialy k biobibliograficheskomu slovariu rossijskikh etnografov i antropologov. XX vek [Materials for the Bibliographical Dictionary of Russian Ethnographers and Anthropologists. 20th Century]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2012. 583 p. (In Russ.)
18. Sidorčuk, I.V. “N.Ia. Marr i marrizm v zapadnoi istoriografii” [“N.Ya. Marr and Marrism in Western Historiography”]. *Dialog so vremenem*, issue 58, 2017, pp. 330–339. (In Russ.)
19. Slezkin, Iu. “N.Ia. Marr i natsional’nye korni sovetskoj etnogenetiki” [“N.Ya. Marr and the National Roots of Soviet Ethnogenetics”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 36, 1999, pp. 48–82. (In Russ.)
20. Sokolov, Iu.M. *Russkii fol’klor. Učebnik dlja vysshikh učebnykh zavedenii [Russian Folklore. Textbook for High Schools]*. Moscow, Učpedgiz Publ., 1938. 559 p. (In Russ.)
21. “‘Udastsia li prorubit’ etu stenu...’ (Iz pisem M.K. Azadovskogo k N.K. Gudziuu 1949–1950 godov)” [“‘Will it be Possible to Cut through this Wall...’ (From M.K. Azadovsky’s Letters to N.K. Gudziuu, 1949–1950)”] publ. by K.M. Azadovsky. *Russkaia literatura*, no. 2, 2006, pp. 66–86. (In Russ.)
22. Uorner, E.E. *Vladimir Iakovlevich Propp i russkaia fol’kloristika [Vladimir Yakovlevich Propp and Russian Folklore Studies]*. St. Petersburg, Department of Philology of St. Petersburg State University Publ., 2005. 144 p. (In Russ.)
23. Freidenberg, O.M. “Vospominaniia o N.Ia. Marre” [“Memories of N.Ya. Marr”]. *Vostok–Zapad. Issledovaniia. Perevody. Publikatsii [East–West. Researches. Translations. Publications]*. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 178–204. (In Russ.)
24. Shishmarev, V.F. “N.Ia. Marr i A.N. Veselovskii” [“N.Ya. Marr and A.N. Veselovsky”]. *Jazyk i myshlenie. Le langage et la mentalité [Language and Thought. Le langage et la mentalité]*, issue 8: Jazyki Evrazii v rabotakh N.Ia. Marra [Eurasian Languages in the Works of N.Ya. Marr]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1937, pp. 321–343. (In Russ.)
25. Azadovsky, M. “Études de folklore en U.R.S.S. 1918 à 1932.” *VOKS. Ethographie, folklore et archéologie en U.R.S.S.*, vol. 4, 1933, pp. 40–61. (In French)